

Георгиос Тзиафетас

Laurent Coumel and Marc Elie, eds. "A Belated and Tragic Ecological Revolution: Nature, Disasters, and Green Activist in the Soviet Union and Post-Soviet States, 1960s–2010s." *Special issue of Soviet and Post-Soviet Review*, vol. 40, no. 2, 2013.

Georgios Tziafetas. Address for correspondence: Mühlackerstrasse 35, 72144 Dusslingen, Germany. geotziaf@yahoo.de.

Тематический сборник под редакцией молодых французских ученых Лорана Кумеля и Марка Эли состоит из пяти интересных статей, посвященных экологической истории СССР и постсоветского пространства. Лоран Кумель написал о неудавшемся «экологическом повороте» эпохи хрущевской оттепели, Кароль Сигман – о судьбе экологических движений времен перестройки (1988–1991), Марк Эли – о новой советской политике преодоления природных катастроф (1989–1991), Александр Долговский – о политике постсоветской Белоруссии в области экологических проблем и проблем беженцев из зараженной зоны Чернобыля, Эва Бертран – о коммуникации Владимира Путина по поводу лесных пожаров летом 2010 года. Работа авторов над этими темами продолжается, впереди – новые диссертации и книги. Тем не менее уже эта публикация заслуживает отдельного внимания. Во-первых, волна экологического протеста советского и постсоветского периодов предстает здесь в виде конфликтов и кооперации между различными социальными группами, в то время как прежде историки лишь бегло касались этой темы (Weiner 1999; Gestwa 2010). Во-вторых, авторы заявляют о переосмыслении двух ключевых понятий, которые долгое время оказывали значительное влияние на экологическую историю СССР: экоцид и эконационализм.

Оба эти понятия были предложены в качестве «генерального» объяснения волны экологического протеста эпохи перестройки. Авторы сборника критикуют такой подход, ссылаясь на идею Иохима Радкау о том, что экологический протест в Европе 1970-х годов был обусловлен не одними лишь объективными экологическими проблемами. Социальные движения чаще всего солидарны с другими требованиями общества, относящимися к сфере социальной жизни, экономики, политики, культуры (Radkau 2011). Используя эту гипотезу, авторы статей получают возможность не оспаривать старые понятия, но поставить их в один ряд с другими факторами, оказывавшими влияние на экологические движения. Таким образом, заявив о переосмыслении понятий, авторы практически не обсуждают их в своих статьях.

По отношению к понятию «эконационализм», предложенному Джейн Доусон, такой подход полностью оправдан. Действительно, националистические идеи создания независимых государств были тесно сопряжены с экологическим движением в республиках СССР (Dawson 1996) и в Ленинграде, где сформировались не только представления о ленинградской идентичности и особой ленинградской

культуре, но и о фактическом отделении от СССР (РФ) и создании здесь свободной экономической зоны по типу Тайваня (Tziafetas 2014a). Кумель и Эли справедливо замечают, что при всей важности стремления к независимости от власти Москвы, получившей распространение в Грузии, Литве, Эстонии и других союзных республиках в эпоху перестройки, отводить эконационализму определяющую роль в экологических конфликтах было бы ошибкой. В этом случае защита окружающей среды сводится лишь к функции инструмента в достижении политических целей, а дело далеко не всегда обстояло именно так (с. 162).

Понятие «экоцид» нельзя обойти вниманием столь же деликатно. На наш взгляд, оно не просто сильно политизировано, но и в принципе неверно употребляется. Речь идет о значении этого термина в международном праве. Изначально оно было предложено американскими экологами и историками Мюрреем Фешбахом и Альфредом Френдли для объяснения причин распада СССР. По мысли авторов, государство, вызвав множество экологических катастроф, опасных для всего мира, совершило что-то наподобие самоубийства – в том смысле, что бездумное отношение властей к природе самым негативным образом отразилось на качестве жизни людей и в итоге привело к масштабной волне возмущения против коммунистической власти, после чего ей пришлось оставить свои позиции (Feshbach and Friendly 1992). Эта идея вызвала справедливую критику коллег за избыточную тенденциозность в трактовке сложного социального, экономического и геополитического процесса. Клаус Гества отметил, что в распаде СССР важную роль сыграли и другие факторы (Gestwa 2010). Джонатан Олдфилд, критикуя этот термин, обратил внимание на его моральную нагрузку и телеологический характер, то есть на ожидание самого благополучного исхода дела для политики, экономики и экологии страны, которое, конечно, не оправдалось (Oldfield 2005). Юлия Обертрайс также писала, что использование термина «экоцид» не выводит на какую-либо новую перспективу для исследования социальных процессов и противоречий в обществе (Obertreis 2012). Марк Эли, анализируя структуры и методы по преодолению катастроф в позднесоветский период, заключил, что СССР был весьма далек от того, чтобы почитать в произведенном им самим экоциде (Elie 2013). Казалось бы, непосредственная связь между экоцидом и распадом страны признана несостоятельной. Тем не менее, несмотря на критику, термин продолжил свое существование – правда, теперь в «смягченном» виде. Так, в книге «Сталинские стройки» Гества критикует позицию Фешбаха и Френдли, однако же выносит термин «советский экоцид» в название заключительного раздела к главе об экологических проблемах в СССР. В книге Гествы возникновение протестных экологических движений представлено как закономерный ответ общественности на реальные экологические проблемы в различных регионах страны, вызванные экологической безграмотностью властей (Gestwa 2010:502–552).

Критикуя понятие экоцида, я вовсе не стремился представлять менее серьезными экологические проблемы в СССР, забывать о Чернобыле или обмелении Аральского моря, оправдывать рискованные планы по покорению природы, исходящие от правительства и экспертов. Важно обратить внимание на недостатки самого этого термина и на необходимость взглянуть на тему с иной точки зре-

ния. Итак, термин с самого начала употреблялся в литературе, не имея точного определения. Очевидно, его следует понимать как «действия, наносящие существенный вред окружающей среде». Подобным образом говорит об экоциде и Greenpeace, призывая в программе «End Ecoside in Europe»¹ объединиться против тех, кто своими действиями способствует разрушению планеты. Очевидно, что в этом случае мы имеем дело с так называемой коммуникацией опасности (*Bedrohungskommunikation*), описанной социологом Вернером Ширмером. Энтузиасты привлекают внимание общественности к какой-либо проблеме, иногда даже демонизируя ее, с тем, чтобы мобилизовать аудиторию и сообща достичь определенной цели в решении этой проблемы. Речь может идти об уже произошедшей катастрофе, но чаще – о ее тяжелых последствиях или об угрозе катастрофы в будущем (Schirmer 2008:105). Так, Greenpeace International использует понятие «экоцид», чтобы подчеркнуть необходимость не ставить блага промышленного производства выше необходимости сохранения окружающей среды. Организация призывает признать экоцид преступлением против человечества, считая недостаточной существующие нормы правовой ответственности за загрязнение и уничтожение природы. Тем не менее, в уголовном законодательстве каждой страны уже содержится статья под названием «экоцид», виновные караются длительным тюремным заключением (по УК РФ – от 12 до 20 лет). Таким образом, у термина есть вполне определенное значение, о котором не стоит забывать.

Итак, экоцид – это тяжкое преступление против мира и безопасности человечества, оно стоит в одном ряду с геноцидом и заключается в массовом «уничтожении растительного или животного мира, отравлении атмосферы или водных ресурсов, а также совершении иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу» (УК РФ, ст. 358). Российский закон, равно как и законы об экоциде в других странах, определяется положениями международного права и изменяется в соответствии с ним, поэтому российское законодательство в этом случае можно приводить в качестве примера. При этом далеко не каждая экологическая катастрофа признается по суду следствием экоцида, поскольку ключевым понятием в установлении вины является умысел: прямой (наличие у виновного обязательной цели наступления экологической катастрофы) или косвенный (допущение реальной возможности наступления экологической катастрофы). От других экологических преступлений (таких, как загрязнение вод, атмосферы, морской среды, порча земли, уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу РФ) экоцид отличается именно по критерию психического отношения виновного к грозящей экологической катастрофе (Греченкова 2007). Неудивительно, что ни аварии на Чернобыльской АЭС или Фукусиме, ни взрыв нефтяной платформы Deepwater Horizon в Мексиканском заливе в 2010 году не были официально признаны экоцидом. Виновные не допускали (и тем более – не желали) экологической катастрофы. Их преступления были квалифицированы иначе.

---

¹ <https://www.endecocide.org/newsletter1113/newsletter-de.html>.

Классический пример экоцида – действия американской армии во время войны во Вьетнаме в 1960-е годы. С самолетов и вертолетов на джунгли, поля и населенные пункты было распылено 72 млн литров дефолиантов. Джунгли уничтожались для того, чтобы с воздуха легче было обнаруживать подразделения северовьетнамской армии и партизан Вьетконга, на поля яд выливали, чтобы осложнить условия их борьбы. Результатом химических атак стали многочисленные жертвы среди мирного населения (4,8 млн человек), массовое распространение тяжелых заболеваний и врожденных уродств у новорожденных, уничтожение 2 млн гектаров тропических лесов и 43% сельскохозяйственных угодий Вьетнама. Лес на зараженной территории в целом не восстановился до сих пор, исчезли сотни видов фауны (Zierler 2011; Westing 2013). Экоцидом признан также поджог 1200 нефтяных скважин и затопление кувейтских нефтяных танкеров во время войны в Персидском заливе. Снова многочисленными жертвами и пострадавшими стали люди, серьезный ущерб был нанесен природе. В большинстве своих проявлений «советский экоцид» был от таких вопиющих случаев далек.

Понятие экоцида в варианте Гествы использовалось, по-видимому, для того, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть масштаб и значение экологических проблем в СССР, а с другой, – обозначить непосредственную связь между ними и протестными движениями. В некоторых случаях эта связь очевидна – вспомним возмущение, вызванное катастрофой в Чернобыле или обмелением Аральского моря. Однако известны куда более запутанные истории, когда экологической катастрофы как таковой не произошло, а местные «экологические» движения были, тем не менее, весьма масштабными. Так, конфликт вокруг ленинградской дамбы имел ярко выраженную политическую окраску, за ним стояли противоречивые интересы разных учреждений, в том числе – интересы партийного руководства города. При этом взгляды независимых экологических групп на местные экологические проблемы нельзя назвать ни последовательными, ни вполне независимыми (Tziafetas 2014a, 2014b). Эта история противоречит давно сложившемуся в литературе сценарию описания подобных явлений, как раз благодаря понятию «экоцид». Обвинительное по своей сути, оно автоматически определяет роли действующих лиц: на роль «злодея» – руководство КПСС и эксперты, на роль «честного (хотя и наивного) парня» – независимые экологические группы. Таким образом, «новые социальные движения» предстают как герои и борцы за демократию. Если критический анализ взглядов и деятельности экологических групп или государственных экспертов в каком-то случае противоречит этому образу, то исследователя, проделавшего такой анализ, начинают подозревать или в неосведомленности, или во враждебности по отношению к демократической идее – что, конечно, неверно. Задача исследователя – не бояться представить картину действительности слишком сложной, искать для этого новые термины. Предложение Кумеля и Эли следовать идее Радкау и обратиться к социальному, политическому, экономическому и культурному контексту как раз способствует выполнению этой задачи.

Перевод с немецкого Ольги Малиновой-Тзиафеты

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Греченкова, Оксана. 2007. «Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества». Автореферат диссертации кандидата юридических наук. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет. Просмотрено 20 июля 2015 г. (http://www.sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Disser/grechenkova.htm).
- Dawson, Jane I. 1996. *Eco-Nationalism: Anti-Nuclear Activism and National Identity in Russia, Lithuania, and Ukraine*. Durham, NC: Duke University Press.
- Elie, Marc. 2013. "Late Soviet Responses to Disasters, 1989–1991: A New Approach to Crisis Management or the Acme of Soviet Technocratic Thinking?" *Soviet and Post-Soviet Review* 40(2):214–238.
- Feshbach, Murray and Alfred Friendly Jr. 1992. *Ecocide in the USSR: Health and Nature under Siege*. New York: Basic Books.
- Gestwa, Klaus. 2010. *Die Stalinschen Großbauten des Kommunismus: Sowjetische Technik- und Umweltgeschichte, 1948–1967*. Munich: Oldenbourg Wissenschaftsverlag.
- Obertreis, Julia. 2012. "Von der Naturbeherrschung zum Ökozid?: Aktuelle Fragen einer Umweltgeschichte Ost- und Ostmitteleuropas." *Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History* 1. Retrieved July 20, 2015 (<http://www.zeithistorische-forschungen.de/1-2012?q=node/4621>).
- Oldfield, Jonathan D. 2005. *Russian Nature: Exploring the Environmental Consequences of Societal Change*. Burlington, VT: Ashgate.
- Radkau, Joachim. 2011. *Die Ära der Ökologie: Eine Weltgeschichte*. Munich: C. H. Beck.
- Schirmer, Werner. 2008. *Bedrohungskommunikation: Eine gesellschaftstheoretische Studie zu Sicherheit und Unsicherheit*. Wiesbaden, Germany: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
- Tziafetas, Georgios. 2014a. "Flutkatastrophe und Umweltverschmutzung: Die gesellschaftliche Debatte um den Leningrader Dammbau in den 1980er Jahren." MA thesis, Institute for Eastern European History and Area Studies, University of Tübingen.
- Tziafetas, Georgios. 2014b. "The Ecologists versus the Builders: The Conflict over the Leningrad Dam in the Nineteen-Seventies and Eighties." *Saint-Petersburg Historical Journal* 1:182–189.
- Weiner, Douglas R. 1999. *A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachëv*. Berkeley: University of California Press.
- Westing, Arthur H. 2013. *Pioneer on the Environmental Impact of War*. Heidelberg, Germany: Springer-Verlag.
- Zierler, David. 2011. *The Invention of Ecocide: Agent Orange, Vietnam, and the Scientists Who Changed the Way We Think about the Environment*. Athens: University of Georgia Press.